

Кантерев Н. Ф. Суждение большого московского Собора 1667 года о власти царской и патриаршей: (К вопросу о преобразовании высшего церковного управления Петром Великим) // Богословский вестник 1892. Т. 2. № 6. С. 483–516 (2-я пагин.). (Начало.)

Сужденіе большаго московскаго собора 1667 года о власти царской и патриаршей.

(Къ вопросу о преобразованіи высшаго церковнаго управленія Петромъ Великимъ).

Въ журналѣ „Русскій Вѣстникъ“ за прошлый 1891 годъ появились двѣ любопытныя статьи, затрогивающія очень важный вопросъ: о преобразованіи нашего высшаго церковнаго управленія Петромъ Великимъ. Первая статья, помѣщенная въ апрѣльской книжкѣ журнала, носитъ заглавіе: *О нашемъ высшемъ церковномъ управленіи*; подписана она буквою Z. Вторая статья, помѣщенная въ ноябрьской книжкѣ журнала и заключающая въ себѣ критику первой статьи, заглавливается: *О преобразованіи церковнаго управленія Петромъ I*; вмѣсто подписи автора подъ статьей поставлены три звѣздочки. Въ пониманіи и объясненіи затронутаго вопроса оба автора рѣшительно расходятся между собою. Мы отмѣтимъ здѣсь нѣкоторые существенные пункты въ ихъ воззрѣніяхъ на поставленный вопросъ примѣнительно къ задачѣ нашей статьи.

Г-нъ Z. говоритъ: „перемѣна высшаго управленія, происшедшая при Петрѣ Великомъ, была не столько личнымъ его дѣломъ, сколько совершеннымъ, по разуму русскаго народа, выполненіемъ требованія историческаго хода и силы вещей: Петръ 1-й только далъ опредѣленную форму и узаконилъ то, что существовало и до него въ жизни нашего отечества и уже готово было разрѣшиться тѣми или другими послѣдствіями для слѣдующихъ поколѣній; гениальный государь только направилъ ходъ вещей въ данномъ направленіи“.

Въ доказательство той мысли, что церковная реформа Петра дѣйствительно была совершена „по разуму русскаго народа“, г-нъ Z. рассказываетъ между прочимъ и слѣдующее: когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ далъ предложеніе собору 1681 года, „что бы каждому митрополиту имѣти во своей епархіи епископовъ, *подвластныхъ имъ*, а святѣйшему патріарху, Отцемъ Отцу, имѣти многихъ епископовъ, *яко главъ* и пастырю“, то великому государю били челомъ митрополиты и архіепископы, чтобы великій государь милостивно къ архіерейскому чину разсмотрѣніе положилъ и вновь гдѣ въ пристойныхъ мѣстѣхъ и въ дальнѣхъ городѣхъ и многонародныхъ, архіереовъ устроить, архіепископовъ или епископовъ, особыми ихъ епархіями, *и не подгъ митрополиты быть подвластными*, для того чтобы въ архіерейскомъ чинѣ небыло какого церковнаго *разгласія и межъ себя распри и высости*, и въ томъ несогласіи и въ нестроеніи святой *церкви пребидѣнія* и отъ народа молвы и укорины“. Въ этомъ дѣйствиіи на соборѣ 1681 года русскіхъ іерарховъ, г. Z. видитъ ихъ рѣшительное нежеланіе имѣть надъ собою патріарха *яко главу*, прямое ихъ желаніе въ высшемъ церковномъ управленіи той реформы, какая потомъ и произведена была изданіемъ Духовнаго регламента. Въ протестѣ русскіхъ іерарховъ на соборѣ 1681 года предложенію царя Ѳеодора Алексѣевича, говоритъ авторъ, „справедливѣе будетъ видѣть доблесть этихъ іерарховъ, дѣйствительную и разумную заботу ихъ единственно о благѣ церкви, по русскому православному понятію о ней, а не по тѣмъ представленіямъ, которыя проникли къ намъ съ учрежденіемъ патріаршества и сердечно воспріяты были не только самими русскими патріархами, особенно Никономъ, но и царями и, повидимому, главнымъ образомъ, царями. Личный характеръ Ѳеодора Іоанновича, Алексѣя Михайловича и Ѳеодора Алексѣевича очень извѣстенъ: это люди чувства и воображенія. А такіе люди плѣняются внѣшностію предмета, а не его внутреннимъ содержаніемъ. Не въ этихъ вѣщепосахъ сосредоточивался современный имъ разумъ русской земли и не они управляли силою вещей и ихъ теченіемъ... управляли этимъ теченіемъ думцы, т. е. люди мыслящіе, и иногда стоящіе къ кормилу управленія не близко. Въ данномъ случаѣ церковный вопросъ, поднятый еще Іоан-

номъ III и получившій при Іоаниѣ IV такое опредѣленное теченіе, что ни Годуновъ, ни Никонъ не въ силахъ были направить его разрѣшеніе въ другомъ направленіи, стали достояніемъ людей мыслящихъ допетровскаго времени настолько, что, при попыткѣ царя Ѳеодора Алексѣевича рѣшить его въ направленіи противномъ разуму русскаго народа, митрополиты и архіепископы, участвовавшіе въ соборѣ 1681 года, своимъ челобитьемъ разрушили воздвигавшіеся олоты, преграждавшіе путь силѣ вещей и такимъ образомъ еще до воцаренія Петра Великаго сдѣлали то, чему онъ въ Духовномъ регламентѣ только далъ опредѣленную, законную и вслѣдствіе этого обязательную форму. Потому, можетъ быть, уничтоженіе у насъ патріаршества и встрѣчено было народомъ сдержанно — спокойно, что въ строѣ церковной жизни епархіи не только не произошло существеннаго измѣненія, но власть и честь епископа еще была возвышена, и уничтожены были всѣ поводы къ „разгласію, распрямъ и высости“ среди архіерейскаго чина, о чемъ до Духовнаго регламента много помышляли не только думцы свѣтскаго чина, но и думцы духовнаго чина. А потому реформа высшаго церковнаго управленія, совершившаяся при Петрѣ 1-мъ, справедливо должна быть разсматриваемая не какъ личное только его дѣло“. И въ другомъ мѣстѣ г-нъ Z. замѣчаетъ: „Петръ 1-й, при помощи своего ученаго сподвижника Ѳеофана Прокоповича, не что другое сдѣлалъ, какъ безповоротно направилъ теченіе дѣлъ церковнаго управленія туда, куда и до него, начиная съ Іоанна III и кончая соборомъ 1681 года, силились направить лучшіе русскіе люди, насколько то зависитъ отъ мощи людской, а не отъ Главы церкви Господа нашего Іисуса Христа“.

Такимъ образомъ по представленію г. Z. оказывается, что Петръ Великій, уничтожая на Руси патріаршество и подчиняя своей державной волѣ все теченіе дѣлъ церковнаго управленія, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ „по разуму русскаго народа“, выразителями котораго были и „думцы духовнаго чина“, именно: митрополиты и архіепископы бывшіе на соборѣ 1681 года. Духовный регламентъ, по представленію г. Z. только осуществлялъ и узаконялъ истинныя, завѣтныя желанія самихъ русскіхъ архіереевъ, которые

всегда желали видѣть церковное управленіе на Руси именно въ томъ видѣ, какъ оно было поставлено Петромъ I-мъ.

Уничтоженіе на Руси патріаршества Петромъ Великимъ г. Z. считаетъ дѣломъ государственной необходимости, такъ какъ патріаршество было опасно для правильнаго, спокойнаго теченія государственной жизни. „Самодержавіе можно назвать, говорить опъ, освободительнымъ началомъ въ жизни русскаго народа, которое, укрѣпляясь постепенно, въ лицѣ Петра Великаго увидѣло накопецъ необходимость въ рѣшительномъ ударѣ союзу веѣхъ началъ, угрожавшихъ опасностію самому государству. Такимъ ударомъ и было уничтоженіе патріаршества, съ указаніемъ въ Духовномъ регламентѣ на опасности для государства отъ единоличнаго церковнаго управленія въ странѣ, пошю невѣжества“. „Петру Великому, говоритъ авторъ, не оставалось другаго исхода, какъ только, не касаясь основнаго церковнаго устройства и даже церковнаго управленія въ томъ видѣ, какъ оно организовалось до IV вѣка, когда церковь шла не въ союзъ съ государствомъ, а внѣ государства, имѣя въ немъ своего гонителя, уничтожить оказавшееся опаснымъ для государства патріаршее правленіе и замѣнить его соборнымъ, обязавъ каждаго члена учрежденнаго собора вѣрноподанническаю присягою“. Уничтоженіе патріаршества, увѣряетъ г. Z. „было не нападеніе на церковь со стороны государства, а самозащита послѣдняго, предпринятая не противъ церкви, а противъ внутреннихъ своихъ враговъ, прикрывавшихъ свои преступныя цѣли именемъ и благомъ церкви“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Z. патріаршество было у насъ не только явленіемъ ненормальнымъ, противорѣчившимъ „разуму русскаго народа“ и желаніямъ самихъ русскихъ архіереевъ, но и явленіемъ вреднымъ и даже прямо опаснымъ для государства, которое, поэтому, въ интересахъ самозащиты такъ или иначе, но должно было уничтожить патріаршество.

Относительно той мысли, что Петръ I, уничтоживъ патріаршество, самъ сдѣлался главою русской церкви и тѣмъ внесъ въ Россію цезаропанизмъ, г. Z. заявляетъ, что это рѣшительно невѣрно. „Вопросъ о главенствѣ русской церкви, говоритъ опъ, при Петрѣ даже не былъ поднимаемъ, такъ какъ еще при отцѣ его сдѣлано было почти все необходимое

для того, чтобы этотъ вопросъ западной Европы сдѣлать навсегда для православной Россіи неумѣстнымъ. Это было во время, длившагося нѣсколько лѣтъ, дѣла патріарха Никона. „Развѣ царь, писалъ этотъ патріархъ въ своемъ отвѣтѣ (тетрадкахъ) Паисію Газскому и боярину Стрѣшневу, — есть глава церкви? По апостолу глава церкви есть Христосъ (Колос. 2, 51). Гдѣ говорится о томъ, что царь имѣетъ власть надъ церковію?“ Эти слова знаменитаго патріарха показываютъ, что во время столкновенія его съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, вопросъ о главенствѣ церкви занималъ умы нашихъ предковъ. Но есть основаніе думать, что онъ явился не вслѣдствіе органическаго развитія и роста русскаго народнаго самосознанія, а внесенъ былъ въ среду современниковъ Никона пришлыми намъ людьми, подобными Газскому Паисію, для котораго то, напр., обстоятельство, что у царя въ гербѣ двуглавый орелъ, могло казаться доказательствомъ власти царя надъ русскою церковію: „для чего двоеглавый орелъ пишется? говоритъ онъ въ 26 отвѣтѣ Стрѣшневу и отвѣчаетъ, что онъ расширяется къ достоинствамъ *церковнымъ и мірскимъ*. Для едипомышленниковъ Паисія могло казаться доказательствомъ главенства царя въ церкви и то, что онъ назначаетъ въ монастыри настоятелей и даже „обраетъ“ патріарха. Для мыслящаго же русскаго человѣка того времени такія рѣчи не могли быть доказательны, такъ какъ, согласно его представленію о церкви Христовой, никакъ невозможно было назвать властію церковною повгородскихъ, напр., мужей, обиравшихъ себѣ архіепископа, или вотчинника, выбиравшаго въ выстроенную имъ церковь попа, ни въ какомъ смыслѣ не годилось называть главою церкви. Для того, чтобы выразить отношеніе первыхъ и послѣдняго къ церкви, существовало у насъ другое слово: *строитель* или *книжторъ*, заключающее въ себѣ понятіе, можно сказать, только соприкасающееся съ понятіемъ о церкви, но не входящее въ составъ его, какъ видовое, или низшее“. Русскій царь, по мнѣнію г. Z. и есть именно *строитель* или *книжторъ* русской церкви, а не глава ея.

Авторъ второй статьи, помѣщенной въ ноябрьской книжкѣ Русскаго Вѣстника (за прошлый годъ), подъ заглавіемъ: *О преобразованіи церковнаго управленія Петромъ I,*

подвергъ критикѣ основныя положенія статьи г. Z. и находить ихъ вообще очень не состоятельными и несогласными съ дѣйствительными и правильно понимаемыми историческими фактами. Онъ отрицаетъ справедливость того положенія г. Z. что перемѣна высшаго церковнаго управления совершена Петромъ по требованію исторіи и „по разуму русскаго народа“ т. е. чтобы произведенная Петромъ въ высшемъ церковномъ управленіи перемѣна соответствовала исторически сложившимся взглядамъ и желанію русскаго народа. Онъ признаетъ несправедливымъ и то мнѣніе г. Z, чтобы „требованія исторіи и разумъ русскаго народа въ вопросѣ о строѣ нашей церкви съ особенною ясностію выразились въ челобитной архіереевъ и митрополитовъ собора 1681 года“; рѣшительно возстаетъ и противъ того мнѣнія г. Z, чтобы отъ единоличнаго церковнаго управления въ странѣ полной невѣжества, была опасность самому государству и что въ интересахъ самозащиты государство должно было уничтожить опасное для него патріаршество. Критикъ по этому поводу замѣчаетъ: „если, по вѣрному, въ этомъ случаѣ, признанію г. Z., власть константинопольскаго патріарха несравненно обширнѣе и сильнѣе власти бывшихъ всероссійскихъ патріарховъ,—а она оказывается нисколько нестѣснительной даже для самовластия турецкихъ султановъ,—если затѣмъ со властію всероссійскихъ митрополитовъ, которая также была шире и сильнѣе власти всероссійскихъ патріарховъ, жили въ мирѣ и добромъ согласіи князья удѣльные и великіе, власть которыхъ уступала, конечно, власти позднѣйшихъ московскихъ самодержцевъ, то какимъ же образомъ изъ этихъ посылокъ можетъ вытекать заключеніе объ опасности для московскаго самодержавія патріаршаго управления и о необходимости его уничтожить? Далѣе, въ чемъ заключалось эта опасность для государства, которою оправдывается въ глазахъ автора измѣненіе нашего церковнаго строя?—Онъ этой опасности со стороны патріаршаго управления не указываетъ. „Далѣе критикъ говоритъ: „переходя къ разсмотрѣнію доводовъ въ пользу произведенной перемѣны Петромъ церковнаго управления, заимствованнымъ г. Z. изъ Духовнаго регламента, мы предварительно замѣтимъ, что утвержденіе, будто бы авторъ Духовнаго регламента имѣлъ передъ собой идеаль первона-

чальной церкви Христовой, является совершенно произвольнымъ... свои собственные вымыслы не слѣдуетъ выдавать за Христово или апостольское благовѣствованіе, или чисто протестантское воззрѣніе на церковную власть и протестантскіе въ церкви порядки не слѣдуетъ называть православными и придавать имъ значеніе совершенно обратное тому, какое они въ дѣйствительности имѣли и имѣютъ“. „Наша русская церковь, продолжаетъ тотъ же авторъ, какъ во времена всероссійскихъ митрополитовъ, такъ затѣмъ и при всероссійскихъ патріархахъ, была не монаршескою церковію, а соборною, доказательствомъ чего служатъ и упоминаемые г. Z. соборы 1589, 1667 и 1681 годовъ и даже самъ патріархъ Никонъ, ибо какого бы ни былъ онъ высокаго о своемъ санѣ мнѣнія, и какіе бы ни приписывались ему честолюбивые „замахи“, однакоже онъ не считалъ себя ни духовнымъ монархомъ, ни папою, ибо не отрицалъ своей подсудности власти правильно составленнаго собора. „Между тѣмъ“ Петръ не признавалъ никакаго суда надъ собою и въ церкви: считалъ себя крайнимъ судією во всемъ и хотѣлъ, чтобы не только въ государствѣ, но и въ церкви воля его была закономъ. Ставя весь епископскій чинъ въ безусловное и полное подчиненіе духовному коллегіуму и ставя себя самаго крайнимъ судією этого коллегіума, Петръ тѣмъ самымъ именно и дѣлалъ церковное наше управленіе монаршескимъ и упразднялъ въ немъ соборное начало...“

Мы, съ своей стороны, имѣемъ въ виду только рассказать нѣкоторые факты, кажется недостаточно извѣстные авторамъ обѣихъ статей, а между тѣмъ имѣющіе, по нашему мнѣнію, прямую и даже очень тѣсную связь съ церковною Реформою Петра Великаго. Намъ кажется, что приводимые ниже факты имѣлись въ виду, когда писался Духовный регламентъ, почему и вся реформа высшаго церковнаго управленія, совершенная Петромъ, не можетъ быть правильно понята и оцѣнена безъ обстоятельнаго знанія этихъ фактовъ. Познакомить съ ними читателей, повторимъ, и составляетъ единственную задачу настоящей статьи.

Нѣкоторые свѣтскіе историки, какъ напримѣръ Соловьевъ, говорятъ, что будто бы патріархъ Никонъ уже при перенесеніи мощей св. митрополита Филиппа изъ Соловецкаго монастыря въ Москву кромѣ религіозной цѣли преслѣ-

доваль въ этомъ дѣлѣ и цѣль политическую,—хотѣлъ возвысить положеніе церковной власти въ государствѣ, хотѣлъ заставить свѣтскую власть публично покаяться въ тѣхъ оскорбленіяхъ, какія она нѣкогда нанесла власти церковной въ лицѣ митрополита Филиппа ¹⁾. Это предположеніе подтверждается характеромъ молебной царской грамоты къ мощамъ св. Филиппа, въ которой царь желаетъ пришествія святителя въ Москву и потому, „чтобы разрѣшить согрѣшеніе прадѣда нашего царя и великаго князя Иоанна, совершенное противъ тебя неразумно завистию и не сдержанною яростию“, причемъ царь Алексѣй Михайловичъ торжественно заявляетъ: „преклоняю санъ свой царскій за согрѣшившаго противъ тебя, да отпустишь ему согрѣшеніе своимъ къ намъ пришествіемъ, да уничтожится поношеніе, которое лежитъ на немъ за твое изгнаніе; пусть всѣ увѣрятся, что ты примирился съ нимъ. Умоляю тебя, и честь моего царства преклоняю предъ честными твоими мощами, повергаю къ моленію всю мою власть, приди и прости оскорбившаго тебя напрасно... Оправдалось на тебѣ евангельское слово, за которое ты пострадалъ, что всякое царство, раздѣлившееся на ся, не станетъ; и теперь у насъ нѣтъ прекословящихъ тебѣ, нѣтъ нынѣ въ твоей цаствѣ никакого раздѣленія“ ¹⁾. Религіозный и впечатлительный Алексѣй Михайловичъ дѣйствительно готовъ былъ тогда преклонить свой царскій санъ и честь царства своего подъ святительскую руку, которая будетъ направлять его. Эту свою готовность подчиниться верховному архипастырю церкви онъ выразилъ въ письмѣ къ составителю ненавистнаго Никону Уложенія боярину Одоевскому, причемъ царь косвенно порицаетъ и бояръ, гонящихъ церковную власть: „гдѣ гонимый и гдѣ ложный совѣтъ? пишетъ онъ боярину. Гдѣ обавники соблазнитель и мздою ослѣпленныя очи? Не всѣли погибли злою смертію и исчезли на вѣки? Не всѣли въ здѣшнемъ мірѣ приняли мечь отъ прадѣда моего царя Ивана Васильевича, а на томъ свѣтѣ вѣчную муку, если не раскаялись? О блаженны заповѣди Христовы! О блаженна истина не лицемѣрная! О блаженъ во истину и треблаженъ

¹⁾ Ист. Рос. т. X, стр. 181—190.

¹⁾ Собр. госуд. грам. и дог. т. III, № 147.

тотъ, кто исполнилъ заповѣди Христовы и пострадалъ отъ своихъ за истину: Нѣтъ ничего лучше какъ поселиться и радоваться въ истинѣ и правдѣ, за нее страдать и людей Божіихъ разсуждать по правдѣ. А мы ежедневно Создателя Бога и святыхъ Его просимъ; чтобы Господь Богъ даровалъ намъ, великому государю, и вамъ боярамъ съ нами единоплеменныя люди Его свѣтоты судить по правдѣ всѣмъ равно; и о всѣхъ христіанскихъ душахъ побольше мы имѣемъ, чтобъ крѣпкимъ въ вѣрѣ быть, и въ правдѣ и истинѣ какъ столпамъ стоять твердо и за нея страдать до смерти во вѣки и на вѣки“¹⁾). Находясь въ такомъ настроеніи царь охотно, при избраніи Никона въ патріархи, далъ публичную торжественную клятву, какъ требовалъ того Никонъ, во всемъ слушаться новаго архипастыря, „яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго“, и на этомъ только условіи Никонъ согласился сдѣлаться патріархомъ. Царь выполнилъ свое обѣщаніе: онъ вполне подчинился Никону, слушалъ во всемъ его совѣтовъ и указаній, сдѣлалъ его своимъ „собиннымъ“ другомъ и даже допустилъ рядомъ съ великимъ государемъ появиться другому великому государю—патріарху; который не прочь былъ, при случаѣ, взять на себя и бравды государственнаго управленія. Духовная власть въ лицѣ Никона возведена была такимъ образомъ на необычайную высоту. Въ Москвѣ скоро стали замѣчать, что новый безмѣрно возвысившійся патріархъ пренебрежительно относится къ царской власти, что патріархъ заслоняетъ собою царя. Пероновъ свидѣтельствуетъ, что будто-бы о благочестивомъ царѣ у патріарха слово было: „мнѣ же и царская помощь негодна и ненадобна, да таки де на нее и плюю и смѣркаю“, хотя Никонъ и заявилъ, что такихъ словъ о царѣ онъ не говорилъ. Пероновъ говорилъ потомъ и прямо въ глаза Никону: „дивлюся—государевы царевы власти уже не слышать; отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники наче царевыхъ, всѣмъ страшны, и никто же съ ними смѣетъ глаголати что, аще силою озлобляеми тѣми. Затвержено у нихъ: знаете ли патріарха? Не знаю, который образъ или званіе пріялъ еси. Ваше убо святительское дѣло Христа во смиреніе подражати и его,

1) Ак. эксп. IV, № 329.

пречестнаго владыки нашего, святую кротость“. И къ самому государю непосредственно Пероновъ обращался съ такими рѣчами: „доколѣ, государь, тебѣ дотерпѣтъ такому Божию врагу (т. е. Никона)? Смутилъ всею русскою землею и твою царскую честь погралъ и уже твоей власти не слышать—отъ него врага всѣмъ страхъ“¹⁾. Дьяконъ Феодоръ пишетъ государю: „а о томъ, государь, что у Никона патріарха слышалъ азъ поносныя слова на тебя, царя, - о томъ скажу, ково ты, государь, зная приишлешь, или самъ спросишь“²⁾. Подьякъ Феодоръ Трофимовъ показывалъ: „онъ, Никонъ, сдѣлалъ себѣ поясъ златый съ большимъ украшеніемъ и говорилъ: ни въ царскихъ де такова нѣтъ. И то ево на царскую державу гордость... Римскій убо папа, егда умысли царскую власть себѣ похитити, прежь сего митру на себя возложи и папагію другую наложи, и видѣ умыслъ необличень, и въ томъ пребыть не малое время; и по семъ умысли съ совѣтники своими, и кесаря Генриха подавнѣмъ сокромента уморилъ, и тако все царское обдержаніе на себя восхити. Въ сіе убо, Никонъ, яко волкъ во овчюю кожу облеченъ, митру на главѣ нося и папагію другую на себя палагая, и совѣтникомъ своимъ повелѣвая такожь: се убо не меньшее похищеніе царскаго чина и власти. А еже обѣма руками благословляти, то являетъ всеобдержаніе людское. Онъ же, Никонъ, дмяся своею гордостію, поставилъ крестовую церковь выше соборныя церкви; тутъ же сдѣлалъ себѣ свѣтлицы и чердаки: и то явное его на царскую державу возгорженіе“³⁾. Какъ ни папвны эти обвиненія Никона въ возгорженіи его на царскую державу, однако они характерны и имѣютъ свое значеніе, какъ выраженіе того, что по убѣжденію и по наблюденіямъ нѣкоторыхъ, Никонъ дѣйствительно старался поставить патріаршую власть выше царской. Иако Лигаридъ писалъ къ Никону: „ты можешь похвалиться, Никонъ почтеннѣйшій, что ты имѣлъ у себя богоблагодатнаго и августѣйшаго самодержца нашего государя Алексѣя Михайловича: таково смиренномудріе, таковое уваженіе къ тебѣ, служителю цер-

¹⁾ Матер. для ист. раск. I, 44—45, 148, 158, 235—236.

²⁾ Ibid. VI, 44.

³⁾ Ibid. IV. 286, 290.

ковному, которому предстоялъ онъ съ почтеніемъ и смиреніемъ, такъ что бояре (думные) *соблазнялись не разъ объ униженіи царскаго достоинства*¹⁾. Очевидно, что Никонъ, будучи патріархомъ, явно сталъ въ такія отношенія къ царю, что многимъ казалось со стороны, будто бы царское достоинство было унижено Никомомъ, что достоинство патріарха Никонъ сознательно стремился поставить выше царскаго достоинства. Сторонникъ Никона Зюзинъ показывалъ: „я ему (Никону) многожды говорилъ о дерзновеніи его высококомъ“²⁾. Но вопросъ заключается въ томъ: дѣйствительно ли можно приписать Никону „высокое дерзновеніе“—сознательное стремленіе возвысить духовную власть надъ свѣтскою, достоинство священства поставить выше достоинства царства? Мы должны отвѣтить на это утвердительно.

Свои воззрѣнія на отношеніе царства и священства Никонъ очень откровенно и опредѣленно выразилъ по преимуществу въ своемъ обширномъ сочиненіи подъ заглавіемъ: „Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божіею милостію патріарха, противъ вопросовъ боярина Симеона Стрешнева, еже написана Газскому митрополиту Паисе Лигаридіусу и на отвѣты Паисеовы“. Приводимъ изъ этого сочиненія рядъ выдержекъ, которыя вполнѣ выясняютъ взглядъ Никона на интересующій насъ вопросъ. „Хощеши ли навукнути, говоритъ Никонъ, имѣя въ виду Паисія Лигарида, яко священство и самага царства честнѣйшии и большіи есть начальство, и да не багряницу речещи ми, ниже діадиму, ниже ризы златы сѣнь бо все она и весныхъ цвѣтовъ худѣйша: всяка бо слава чловѣчья, рече, яко цвѣтъ травный, аще и самую речещи царскую багряницу, не убоми сія глаголи. Но аще хощеши іерусалимское ко царю разнства видѣти, яже комуждо данныя власти истяжуй и множаю отъ царя высочайшій узрѣши іереа сѣдѣща: аще бо и честенъ вамъ престоль царекій является отъ приложныхъ ему каменій и обдержаща и злата, долженъ

1) Соч. Лигарида о соборн. судѣ надъ Никомомъ. Рукон. нашей Академич. бібліотеки. ч. 1. л. 35.

2) Рукон. нашей Акад. бібліот. Подлинное дѣло о судѣ надъ Никомомъ. л. 164.

есть судитися яко царь, но обаче яже на земли получилъ есть строительствовати, и множае сея власти не иматъ ничтоже. Священства же престолъ на небеси посажденъ есть: кто си глаголетъ, — самъ небесный царь: елика бо аще свяжете на земли, будутъ связаны на небесѣхъ, — что сея равно убо будетъ чести отъ земли? Начало суда приѣмлетъ небо, понеже судія на земли сядетъ, владыка послѣдуетъ рабу, и яже убо сей отсудитъ, сія опъ горѣ утверждаетъ, и между Бога и чловѣческаго естества стоитъ священникъ, яже отнуду чести вводя намъ яже отъ насъ мольбы возводя, тамо гнѣвающаяся, того ко общему примиривая естеству приразившаяся насъ исхищая отъ того руку. Сего ради и царіе помазуются отъ священническую руку, а несвященники отъ царствія руки. и самую царскую главу подъ священниковъ рудѣ принося полагаетъ Богъ, наказуя насъ, *яко сей она болия есть властникъ. меньшее бо отъ болаго благославляется* ¹⁾). Христосъ глаголетъ: дастся имъ всяка власть на небеси и на земли оставляти грѣхи; и паки рече: его же свяжеши на земли будетъ связанъ на небеси, — кому же таковая власть дана есть? Слышалъ еси „яко св. апостоламъ и по нихъ преемниковъ тѣхъ архіерсомъ, а не царемъ. Царь здѣшнимъ вѣренъ есть, а азъ небеснымъ; царь тѣлесемъ вѣряемъ есть, іерей же душамъ; царь долги имѣніемъ оставляетъ, священникъ же долги согрѣшеніемъ; опъ принуждаетъ, а сей и утѣшаетъ: опъ нужою, сей же совѣтомъ; опъ оружія чувствена иматъ, а сей духовная; опъ брань иматъ къ сопостатамъ, сей же къ началомъ и міродержателемъ тмы вѣка сего и сего ради *священство царства преболю есть*“. Указывая на гибель Дафана, Авирона и Корея, хотѣвшихъ восхитить священническія права Аарона, и затѣмъ на отверженіе Богомъ царя Саула, Пископъ обращается къ Литариду: „видѣши, отвѣтотворче, глаголь Божій, а не чловѣчь: яко властелина ты поставихъ (слава Самуила къ Саулу отъ лица Божія) хоругви колѣна израилева, а не жертвы и всесоженія приносити. являя *яко священство болия есть царства*, и еже пожелалъ (Саулъ) большее (священства), сущее свое погубилъ. Но мы уже выше сихъ написали,

¹⁾ Евр. 7, 7.

яко священство болѣе есть царства, *почто предварени царствомъ (священство)?* Увѣждь въ вышенисанныхъ, яко и царіе предпочитали священство, горѣ сидящее на небеси? Но поминаеши ли хотящихъ обезчестить священство Дафана и Авирона, что случися тѣмъ, и паки: Саулъ и Озія, паче достояніа своего поискаше, и еже имѣвше, погубиша. Како убо глаголеши совопросниче, яко царь вручилъ Никону досматривать всякихъ судебъ церковныхъ, не виде въ вышенисанныхъ, яко не отъ царей пачальство священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются, тѣмъ же явлено есть множество, *яко священство царства преболѣе есть.* Хочеши ли истину навъкнути яко и самъ той діадимую украшаяйся, священнической власти повиненъ, и его свяжетъ кто по правдѣ на земли, будетъ связанъ на небеси. А его же царь свяжетъ временно или убіетъ, имать о семъ отвѣтъ предъ Господомъ Богомъ, который научилъ не бояться отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убити; но бояться подобаетъ могущаго душу и тѣло погубити въ геснѣ огнищѣй. Что есть благотвореніе государево? Се ли есть, аще восхити на себя чинъ священства, ино бо есть священства чинъ и ино царства, якоже выше писахомъ много; но и чинѣ еще глаголемъ, *яко священство болѣе есть царства: священство отъ Бога есть, отъ священства же царства помазаніе.* Затѣмъ Никонъ подробно говоритъ объ учрежденіи ветхозавѣтнаго священства и потомъ повозавѣтнаго, о распространеніи по разнымъ страпамъ христіанства, вмѣстѣ съ которыми повсюду распространялись и церковная іерархія, рассказываетъ какъ она возникла и распространялись въ частности на Руси и изъ всего сказаннаго дѣлаеть такое заключеніе, „что священство не отъ человѣкъ, ни человѣкомъ, но отъ самаго Бога и древнее и нынѣшнее, а не отъ царей, *но паче отъ священства царство произыде и нынѣ есть.* якожъ уставъ церковнаго поставленія свидѣтельствуетъ. Священство всюду пречестнѣйше есть царства, якоже выше назнамепахъ отъ божественнаго писанія. и чинѣ паки речемъ: *„царство, аще и отъ Бога, дадеся въ міръ, но во живъ Божіи. и се чрезъ священство помазуется чувственнымъ елеомъ, священства же помазаніе св. Духомъ непосредственны. Власть священства только гражданскія лучши есть, елико земли небо, пачеже и много вѣщше.*

Наше бо, рече, житіе на небесѣхъ и животь нашъ тамо сокревень со духомъ въ Бозѣ ¹⁾, и почести тамо и теченіе о сущихъ тамо вѣнцехъ, ниже бо раззоряется по скончаніи сей животь, но тогда сіяеть болше. *Сего ради не точію князей и мьстныхъ, но и самихъ иже діадимомъ обложженныхъ, большую пріяла честь, имущія сію власть*, аки въ большихъ и надъ большими претворяюще челоувѣки“. Никонъ не признаеть, чтобы царь могъ относиться къ архіерею только какъ къ своему подданному: „гдѣ, отвѣтотворче, писано есть о сихъ, еже царю почитати подданныхъ слугъ своихъ, ихъ же хоцетъ, а не архіереа-се речено о архіереи жъ; инако рече Спасъ: слушай васъ, Мене слушаеть... братіе повинуйтеся наставникомъ вашимъ покаряйтеся. Какже можетъ царь, его же хоцетъ, почитати таковыхъ, которые отъ самага Бога славою и честію вѣнчани и честь (ихъ) и слава паче царства, елико небо земли честнѣйшій есть, якоже свидѣтельствуютъ богословцы... яко же капля дождя отъ великія тучи, то есть земля отъ небеси мѣрится, *также и царство меншится отъ священства*. Царь аще и власть пріялъ отъ Бога въ маловременномъ семъ царствіи почитати или уничижити кого, но не пребываетъ въ вѣкъ, и Богъ того разрѣшити можетъ и время и царствіа примѣненіемъ разрѣшаеть, и на самага того цари судъ Божій настоить, аще почтилъ, его же почтилъ благозаконно, а не по своей любви, и уничижилъ, его же уничижилъ по закону заповѣдей, а не по своей ненависти; священникъ же, аще кого свяжетъ на земли, ни самъ Богъ разрѣшитъ того. Да почто царь самъ поповы руки цѣлуеть, которые нами посвящены и ко благословенію приходя, и самъ главу свою преклоняеть; и мы тому чудимся, почто царь архіереомъ и ерсомъ нудить руки своя цѣловать, не суть архіерей, ни іерей; аще и ему, государю, за премногую его гордость, мнится священство менши царства, познаеть тогда различіе царства и священства, егда познани будемъ отъ нелицемѣрнаго судіи, Христа и Бога нашего“ ²⁾.

1) Колосс. 3, 3.

2) Выдержки изъ сочиненія Никона: „Разореніе смиреннаго Никона“... мы приводимъ по списку И. Д. Вѣляева хранящемуся въ Моск. публ. румянц. Музеѣ. № 1551. л. л. 127, 129—130, 172, 175, 177, 205 наобъ и 206, 207—208.

И въ одномъ изъ своихъ писемъ къ государю Никонъ прямо пишетъ: „окуду ты такое дерзновеніе пріялъ, еже съскивати о насъ и судити насъ? Которые жъ тебѣ законы Божія велятъ обладати нами. Божіими рабы? не довольно ли ти бысть царствіа міра сего люди разсуждати въ правду и ни о семъ прилежиши, а еже повеленіе твое, написанное въ наказѣ, взять крестьянъ Воскресенскаго монастыря, по какимъ то уставамъ? Надѣюсь, аще и поищещи, не обрящещи, развѣ беззаконія и писанія? Послушай же Господа ради, что бысть древле за такое продерзалие... Горе тѣмъ, иже по убіеніи имуть быть ввержени въ дебрь огненную; того бояться надобно, иже нынѣ славою міра сего превозпосятся и гордятся, аки безсмертны и аки боги славятся отъ челоувѣкъ безумныхъ, въ сладость приѣмлютъ таковыя безумныя глаголы: ты Богъ земной. Насъ же священное писаніе учитъ: Богъ нашъ на небеси и на земли вся, елико восхотѣ, сотвори. Таковыми безумными глаголы Навуходносоръ, царь вавилонскій, усладився, царства лишился“¹⁾.

Усвоивъ себѣ взглядъ на священство, какъ высшее царства, кѣкъ на независимое отъ него ни въ чемъ, требующее себѣ со стороны царства не только почитанія и вниманія, но и послушанія, Никонъ подвергъ, съ этой точки зрѣнія; беспощадной критикѣ существовавшія при немъ, исторически сложившіяся отношенія церкви къ государству и естественно приходитъ къ тому выводу, что церковь находится въ положеніи гонимой и угнетаемой со стороны свѣтской власти. Никонъ потому именно и оставилъ патриаршій престоль, что видѣлъ церковь гонимою со стороны свѣтской власти, что государь пересталъ повиноваться церкви и сталъ несправедливъ къ ея представителю Никону, котораго онъ теперь всячески гонитъ и преслѣдуетъ. „Елико онъ, великій государь царь, послѣдико возможно пребывалъ въ своемъ обѣщаніи новиняся святѣй церкви, и мы терпѣли; егда жъ онъ, великій государь, измѣнился отъ своего обѣщанія и на насъ гнѣвъ положилъ несправедно, яко же вѣсть Господь, и мы, помня свое обѣщаніе о храненіи заповѣдей Божіихъ“, оставили престоль. Никонъ потому единственно оставилъ престоль „пусть ему государю просторнѣе безъ

¹⁾ Записки русскаго археологическаго общества. Т. II. стр. 542—543.

меня (будеть), а то, на меня гнѣваяся, къ церкви не ходить, и про тотъ гнѣвъ всему государству вѣдомо, что онъ, государь, гнѣваяся на мене не приходилъ (въ церковь). А всесвятѣй велицѣй церкви обидъ много стало, и божественныхъ заповѣдей Христовыхъ и св. Апостоль и св. отецъ правилъ, какъ обѣщаль (царь) на нашемъ поставленіи, не почаль соблюдать, а мы на избраніи своего патріаршества и самъ обѣщали съ клятвою и съ подписаніемъ руки своея Божія заповѣди и св. апостоль и св. отецъ хранить“¹⁾. Въ письмѣ къ царю Никонъ такъ объясняетъ причину своего удаленія съ каѳедры: „видя св. церковь гониму, послушавъ словесѣ Божія, еже есть: аще гонять вы въ городѣ, бѣгите во инъ градъ; и паки: се удалихся бѣгая, и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя,—и ни здѣ есмь обрѣлъ покая“²⁾. Царь всячески продолжаетъ преслѣдовать и удалившагося уже съ каѳедры Никона: „зриши ли коликъ подвигъ, коликое тѣпаніе показуетъ отъ великаго гнѣва своего на мя царь, — что бы какову лжу не сказалъ кто, самъ чрезъ вся святыя Божія заповѣди и апостольскія и отеческія правила по всей Россіи сыскиваетъ съ большимъ страхомъ и прещеніемъ о несвѣдомыхъ нашихъ, и бысть самъ судія и истецъ, весь на себя судъ и оправленіе христіанское взялъ. Глаголетъ царь, что мы ево (Никона) не гонили съ престола, по яко же тогда, егда засвидѣтельствовалъ предъ Богомъ и Отцемъ и Господемъ нашимъ и святымъ и животворящимъ Духомъ о неправдахъ его государевыхъ и о напрасномъ гнѣвѣ невинно на мя во святѣй велицѣй церкви, и отъ тѣхъ временъ не престая гонить; ему кажется легко, что волю даль всякому неправеднику злословити, елико кто хоцетъ и умѣетъ, а намъ уже отъ злодѣевъ смерть приходитъ... Что же болше гоненія сего, еже всѣхъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ созвавъ по нашемъ отхожденіи, самъ и гонителю и истецъ бысть; все, елико ему государю годно, собравъ написа, сказки готовыя присла на соборъ и всѣхъ своею милостію и жалованьемъ, иныхъ же страхомъ, всѣхъ къ своему государеву хотѣнію принуди, ихъ же души,

1) Рукописи Вѣляева. л. л. 20. 98.

2) Зап. русск. археол. общ. т. II стр. 541.

согрѣшившія взыщеть на немъ Господь Богъ. И потомъ, кто о чемъ ложно не побѣтъ челомъ, все съ выговоры государь посылаетъ, аки ко осужденному, своихъ государевыхъ думныхъ, и ко всѣмъ велить по нужи самому въ судъ приходити о всякихъ дѣлахъ случившихся, чево и надъ попомъ не предстоить дѣлать. И слицы добрыя боголюбцы посѣщали насъ въ бѣдности нашей Бога ради, или которыя добрыя люди, видя наше бѣдное житіе, попечалится или поскорбитъ словомъ, а ему великому государю вѣдомо учинится, тѣхъ всѣхъ—овѣхъ въ заточеніе посла, овѣхъ иними страхи обложи и прецены лютыми, а царское дѣло таково, аще и надъ единымъ человѣкъ что сотворить, всѣ того ради устрашатся“. Преслѣдуя Никона, царь оказывается крайне неблагодарнымъ къ нему: „воспомянулъ бы, государь, и нашу къ нимъ, государемъ, работу, и молитвы и слезы, якоже есть вѣдомо имъ государемъ по два моря, и превративъ свое къ намъ немилосердіе на прежнюю любовь, и иже совѣтующимъ на мя злое, сотворилъ бы якоже и Аману... Намъ царское величество за многія наши труды малое нѣкоторое подаваніе даде, — недостойно его подаваніе нашихъ трудовъ и болѣзней! Но и се мы у себя ничтоже удержахомъ къ своимъ прихотѣмъ, но и все Господеви возложихомъ, якоже свидѣлствуютъ вещи“. Причина этихъ гоненій на Никона и несправости къ нему царя заключается въ томъ, что „государь восхитилъ церковь и достоиніе ея все въ свою область незаконно, того ради и насъ ненавидить, якоже прелюбодѣй никогда межетъ любить законнаго мужа, но присно помышляетъ о немъ злое“¹⁾.

Царь гонить и преслѣдуетъ не только Никона, но и другихъ архіереевъ и всѣхъ вообще духовныхъ, надъ которыми онъ незаконно присвоилъ себѣ право ставить ихъ, судить, облагать даньми, такъ что царь обладаетъ теперь и править всѣмъ церковнымъ, всею церковію. Въ виду этого Никонъ пишетъ: „царь не есть и не можетъ быть глава церкви, но яко едишь отъ уды, и сего ради ничтоже можетъ дѣйствовати во церкви, ниже послѣдняго четца чинъ. А что нынѣ чрезъ волю Божию дѣйствуетъ, насильствомъ

¹⁾ Рукон. Вѣльева, л. л. 92 наобор. и 93, 116 наоб. и 117 — 118, 110, 234, 176 наобор.

церкви Божіи насильствуешь, и вся яже ихъ, отъемлетъ, архіереевъ, архимандритовъ и весь священный чинъ судить, имать самъ судимъ быти отъ нелицемѣрнаго судіи Христа... Гдѣ есть Христово слово, да власть имать царь надъ церковію?., Дивно есть, како челоуѣколюбіе Божіе терпитъ, еже нынѣ не точію самъ царь санъ святительства на ся воспріялъ, но и вси, во власти его сущіи, то творять“. „Азъ предъ Богомъ о семъ извѣтъ твоя во святѣй церкви, яко много любодѣйствова царь, якоже и нынѣ отъ всѣхъ видится, како любодѣйствуешь святою церковію, всѣми церковными уставы и вещми“. „Православніи царіе священство предпочитали паче царства, а не какъ нынѣ, еже въ лицо намъ говорятъ, понося: царь де единъ великъ, а вась де много; не тотъ де патріархъ,—ино черницовъ много у государя; а черницы —раби Божіи и богомольцы царскіи, а не раби, еже нынѣ араіерси и монастыри принуждены царскимъ величествомъ во все злое мірское дѣло и тягло и воинствовать яко и простымъ челоуѣкомъ“. „Царь церковію обладаетъ, священными вещми богатится и питается, славится въ нихъ, яко вси церковницы: митрополиты, архієпископы и епископы, священницы и вси причетницы покаряются, работаютъ, оброки даютъ, воюють, — судомъ, пошлинами владѣють“. „Глаголени, совопросниче, яко тишайшій государь нашъ и всесчастливый царь вручилъ Никону, чтобъ досматривалъ всякихъ судебъ церковныхъ: вручилъ Никону не царь досматривати судебъ церковныхъ, вручила Никону благодать св. Духа, по царь тую уничижи и св. Духа благодать обезчести и немощну ту сотвори, яко безъ царскаго указу не можетъ нынѣ поставленъ есть сего или иного архимандрита, игумена или пресвитера и прочихъ по благодати святаго Духа; и по указу великаго государя и прочее такожде: удавленнаго или убитаго погребати, или молитва во грѣсѣ рожденному дати—все по государеву указу“. „Архіерейство государь не почель, но и обезчестилъ тако, что невозможно и писати, безчестнѣе и поганыхъ царей обезчестилъ“¹⁾. Въ письмѣ свосмъ къ государю Никонъ пишетъ тоже, что и въ „Раззореніи“: „всѣмъ архіерейскимъ рука твоя обладаетъ: и судомъ и достояніемъ;

1) Ibid. л. л. 129, 141, 166, 175, 184.

страшно молвить, обаче терпѣть невозможно, еже памн слышится, яко по твоему указу и владыкъ посвящаютъ и архимандритъ и игуменовъ и поповъ поставляютъ, и въ ставленныхъ грамотахъ пишутъ равночестна и св. Духу, аще по благодати св. Духа и по указу великаго государя. Недоволенъ св. Духъ посвятити безъ твоего указу, да кто болши сего, да Богъ тебѣ терпитъ, пишетъ бо: аще кто на святаго (Духа) хулить, не имать оставленія ни въ сей вѣкъ ни въ будущій, и аще се не устранило тя есть, да что можетъ, что уже не прощенія еси своимъ дерзновениемъ достоинъ сотворился“. Вообще, по словамъ Никона, царь „самъ на ся чинъ свитительскій и власть церковную воспріялъ, чрезъ Божественныя уставы и чрезъ свою клятву, еже трегубо клялся: ово во крещеніи, ово въ царское поставленіе, ово въ Никоново патріарха поставленіе, еже не мудрствовати паче, еже подобасть благочестивымъ царемъ“. Въ виду этого Никонъ съ гнѣвомъ обращается къ отвѣтчику Лигариду: „откуда ты такой гнилой законъ взялъ, еще царемъ церковная правити?.. Подобаетъ комуждо своя мѣра знати, а не восхищаться на песуція своя: ниже се строеніе церкви, но паче гоненіе“. „Покажи извѣстно, не отъ своихъ гнилыхъ произношеній, но отъ божественнаго писанія, гдѣ есть такіе законы, да царіе въ церковныхъ преданіяхъ и уставовъ исправляютъ и повелѣваютъ, яко же ты глаголеши... Аще мнитъ царь, яко добро творитъ владѣя и повелѣвая во священныхъ уставахъ, не чудесея, что Богъ терпитъ на большее и лютейшее отмищеніе“. „Да гдѣ есть законъ и воля Божія, еже царемъ или вельможамъ сего судити архіерсевъ и прочій священный чинъ и достоиніе ихъ?.. Да гдѣ есть законъ таковъ и заповѣдь, еже бы царемъ владѣти архіереп и прочімъ священнымъ причтомъ“? ¹⁾).

Но царь, по мнѣнію Никона, не только „чинъ свитительскій и власть церковную воспріялъ на ся“, но и захватилъ себѣ все церковное достояніе или, по выраженію Никона, „обнищаль и ограбилъ св. церковь“. „Все царское величество чрезъ Божественныя законы, вышеписанныя здѣ,

¹⁾ Зап. русск. археол. общ. т. II. стр. 546. Ручон. Вѣяева. л. 483, 125 обор. 110, 256.

олихоиматствова, и не имѣетъ святая великая церковь нѣ-котораго причастія въ Москвѣ, якоже прежде при прежнихъ царѣхъ и великихъ князѣхъ имѣла, но есть пуста всякаго перваго своего достоянія, яко вдова осиротѣвши“. „О себѣ не изволилъ государь (обличая Пикона) праведно рассмотреть, колико у святѣй велицѣй церкви пресвятыя Богородицы поималъ отчинъ, людей и прочихъ всѣхъ домовыхъ потребъ: хлѣба, рыбы, денегъ, лошадей и прочихъ потребъ, вмѣсто великаго приношенія за помазаніе на царство; такожде и отъ прочихъ святыхъ церквей и монастырей поимано елико отчинъ, и людей, и денегъ, и хлѣба, и лошадей, и кто то можетъ исчислить, а ему великому государю святая великая соборная и апостольская церковь и прочія святыя церкви и святыя монастыри ничѣмъ неповинны и никакими данми, развѣе по завѣщанію св. апостолъ — молитвою и честію“. „Велми возлюбилъ царь духовную свою матеръ — церковь Божию, только не таковою любовію, яковою любовію возлюби Христосъ, иже себе предастъ за ню, на себѣ тую обручи; — и елико насъ нищихъ отъ сосець своихъ питала, себѣ (царь) нищу сотвори и сущимъ съ собою“. „Царь ничтоже принесе Господеву и святѣй велицѣй церкви что либо достойно, но яко сиру ту обезчести, и обнажи всѣхъ добрыхъ яко вдову, всею божественною честію, ею же Богъ почте, яко же зрится отъ всѣхъ, лишена всѣхъ благихъ движимыхъ и недвижимыхъ“. „Все, елико собранное прежде насъ архіереи, движимыя и недвижимыя вещи въ патріархіи, безъ всякаго страха Божія въ потребности свои и сущимъ съ собою царь усвоилъ, все чрезъ божественныя законы и заповѣди онасилова и поработи“. „Царское величество правило (приносить даръ Богу) не сохраняетъ, не точно что приносить создавшему его Богу, по нѣкоему преданію древнихъ отецъ, но и прежде данное святѣй велицѣй церкви благочестивыми, прежде бывшими цари и великими князи, все усвоилъ въ свои потребности, движимыя и недвижимыя вещи, о нихъ же писано есть выше“. „Самъ (царь) вся сущія ея (церкви) въ домъ свой посилова, еже чада церковная и пиція питашеся, злымъ человекомъ смля — истошцеваеть; сокольникомъ и псарямъ, и прочимъ неблагодарнымъ злодѣемъ, иже угодная ему творять, якоже и при патріарсѣхъ, елико пужнѣйшихъ

на церковный обиходъ и на нищихъ потребу изобиловаше малые остатки, къ нему же въ руцѣ отхождаху“¹⁾. И въ письмѣ къ самому царю Пиконъ пишетъ: „повсюду своимъ насиліемъ по святымъ митрополіямъ и епископіямъ и святымъ монастыремъ, безъ всякаго совѣта и благословенія, насиліемъ вещи движимыя и педвижимыя емлещи нещадно... А отъ твоихъ началъ царства грамоты (жалованныя церкви) всѣ упражнены и церкви Божіей и святымъ монастыремъ данное въ наслѣдіе вѣчное недвижимыя вещи, слободы, села, озера, варпицы соляныя, лѣса многія поотняли и причастника себѣ Бога не сотворилъ еси. Сего ради и Богъ остави тя и оставити имать, аще не покаешися и не возвратиши взятое отъ Божіихъ церквей, паки и грамотъ, еже прежде тебя бывшихъ, во святыхъ церквахъ и во святыхъ монастырѣхъ не утвердиши и отъ восхищенія святыхъ вещей не удержишися“. Въ томъ же письмѣ къ царю Пиконъ пишетъ, что будтобы явившійся ему св. митрополитъ Петръ, говорилъ ему: „брате Пиконе, говори царю, почто онъ святую и великую церковь преобидѣлъ, иже нами собранныя святыя педвижимыя вещи восхитилъ безстрашіемъ, и нѣсть ему на пользу се, но рцы ему, да возвратитъ паки, яко гнѣвъ Божій того ради навелъ на ся: дважды мору бывшу и колько тысець изомроша и запустиша и сущихъ нынѣ не имать предъ враги своими стати“. Даже предъ константинопольскимъ патріархомъ Пиконъ счелъ возможнымъ обвинять царя въ захватѣ церковной власти и церковныхъ имуществъ: „нынѣ бываетъ, писалъ онъ патріарху, вся царскимъ хотѣніемъ: егда хоцетъ кто дьяконъ, или пресвитеръ, или игуменъ, или архимандритъ поставлятися, тогда пишетъ челобитную царскому величеству и проситъ повелѣнія, что бы хоритописали его митрополитъ или архіепископъ, и царскимъ повелѣніемъ на той челобитной поднишуть: „по указу государя царя поставити его попомъ или діакономъ или инаго какого чину, кто во что поставляется. И снче хиротописаютъ ихъ царскимъ словомъ. И егда митрополитъ или архіепископъ или епископъ хиротописаетъ, тогда дадутъ наставленную грамоту и пишутъ:

1) Рукоп. Бѣляева. л. л. 87 наобор. 118 наоб. 132 наоб. 238, 242. Записки русск. археол. общ. т. II стр. 472 и 473.

хиротописася діаконъ или попъ повелѣніемъ государя царя, а не по заповѣди Божіи и не по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ. И сгда повѣлитъ царь: быти собору, тогда бываетъ, и ково велитъ избрати и поставити архіереемъ избирають и поставляютъ, и ково велитъ судити и обсуждати, и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ. И вся елика суть во епархіи патріаршескаго имѣнія, царское величество на свои протори емлетъ, и гдѣ велитъ, даютъ безчинно. Сице и отъ митрополичихъ епархій и отъ архіепископныхъ и епископныхъ и честныхъ и великихъ монастырей имѣнія, по повелѣнію его, емлютъ, и людей на службу, и хлѣбъ и деньги повелѣніемъ своимъ велитъ взять—и возмутъ немилостиво и дани тяжки. И сице весь родъ христіанскій утягчи данми сугубо и трегубо и вящше и нѣчто бываетъ въ пользу“¹⁾.

Вообще, анализируя отношенія царя къ церкви, къ церковнымъ правиламъ и постановленіямъ, къ самому слову Божію, Никонъ считаетъ справедливымъ представить такую общую картину: „Государь царь привилегіи (ранѣс данныя церкви) раззори и церкви одолѣ и сотвори ю (церковъ) себѣ повиновитися... Царское величество и ключъ у Петра и прочихъ апостолъ и по нихъ наслѣдникъ тѣмъ, отъятъ и еже свяжутъ, и владыка Христось Богъ не разрѣшитъ на небеси,—а государь царь то разрѣшаетъ на земли и на небеси. И еже аще разрѣшиши, рече, на земли, будетъ разрѣшено на небеси,—а государь царь то вяжетъ на земли! И паки дуну Господь на святыя своя ученики и апостолы глаголя: пріимите Духъ святъ, имъ же отпустите грѣхи, отпустятся, и имъ же держите, держатся,—государь царь; не пріемъ св. Духа благодати, оставляетъ грѣхи и держитъ имъ же хочеть властію міра сего, а не по благодати оставляетъ грѣхи. Господу глаголющу: аще вы пребудете въ словеси моемъ, воистину ученицы мои будете, — государь царь не точію самъ пребываетъ (вѣренъ словамъ Господа), но и пребывающихъ ненавидитъ. Паки Господу глаголющу: аминь, аминь глаголю вамъ, вѣруяй въ мя дѣла, яже творю, и той творитъ и болша сихъ сотворитъ, — государь царь не точію самъ не соблюдаетъ, но и творя-

¹⁾ Зап. русск. археол. общ. т. II, стр. 546—551, 526—527.

щихъ ненавидить и гонить. Господу глаголющу: аще любите мя, заповѣди мои соблюдете,—государь царь не точію самъ не соблюдаетъ, но и соблюдающихъ не любитъ. Господу глаголющу: не любяй мя и словесъ моихъ не соблюдаетъ,—государь царь и ругающихся (словамъ Господа) лобзаетъ. Господу глаголющу: миръ вамъ оставляю, вамъ миръ мой даю вамъ, --государь царь не точію миръ Божій не пріемлетъ самъ, но и приносящихъ гонить изъ града своего. Господу глаголющу: аще бысте меня любили, возрадовалися бысте убо,—государь царь не точію радуется, еже любити Господа, но и радующимся плакати творить. Господу глаголющу: си есть заповѣдь моя, да любите другъ друга, якоже азъ возлюбивъ вы, --государь царь самъ не любитъ и инемъ возбраняетъ любить другъ друга. Господу глаголющу: больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положить за други своя, вы друзи мои есте, аще творите, елико аще заповѣдаю вамъ.—государь царь не точію благоволилъ душу свою положить за други своя, но и хотящимъ хочеть самъ душею отъяти, и ниже братіею кого либо именовать отъ меншихъ подданныхъ своихъ, но и отца, иногда называя и пиша своею рукою, простому челоуѣку уподобилъ за злобу свою— Никонъ зоветъ и ниже патриархомъ именуетъ и яко раба подъ оброки себѣ сотворилъ; и не мене худаго раба Божія, но и Господа моего І. Христа поработилъ себѣ: все еже Господу нашему І. Христу данное въ вѣчное наслѣдіе святѣй церкви, — его себѣ усвоилъ и людемъ своимъ, о немъ судъ имѣеть отъ самого Господа Бога, но дѣломъ руку своею пріимуть. Аще возмнитъ кому жестоко слово сіе, мы не отречемся показати отъ писанія на ипомъ мѣстѣ“ 1).

Такое отношеніе царя къ церкви и заповѣдямъ Божиимъ Никонъ объясняетъ слѣдующимъ: „вѣмъ повсюду вѣдомо, яко царь не любитъ Господа, понеже не хранитъ заповѣди его; иже есть ученикъ Христовъ, понеже не любитъ насъ, Господу свидѣтельствующу: не любяй мя, словесъ моихъ не соблюдаетъ... Не вѣмъ, что любо царское величество дѣлаеть отъ евангельскихъ заповѣдей, но своя челоуѣчскія всюду предпочель паче Христовыхъ; а еже бы самому

1) Рукоп. Вьяева. л. 180—181.

государю хранить святыя Божія заповѣди—не вѣмъ... и аще бы государь царь любилъ Бога, любилъ убо мене... А то правда, что царское величество разширился надъ церковію чрезъ вся Божественныя законы своимъ достоинствомъ, а не закономъ коимъ либо Божиимъ, и не до сего точію ста, но и на самаго Бога возгордѣ широтою орла... Не на меня единого вознесся (царь) но и на самого Бога и законъ“. Въ виду этого Никонъ грозитъ царю, въ своемъ письмѣ къ нему: „на тя отъ всѣхъ родовъ имуть обратиться: первіе, св. Духъ, яко обезщестилъ еси и недовольна то силу и благодать сотворилъ еси безъ твоего указа; второе, святіи апостоли, иже имуть сѣсти на обою надесяти престолѣхъ, еже чрезъ правила ихъ дерзаеши повелѣніемъ своимъ; къ тому же лики святыхъ седми вселенскихъ соборовъ и прочихъ св. отецъ, еже исправилн и утвердили не преступати, со страшнымъ запрещеніемъ, еже аще кто убавить или прибавить и прочее; также и благочестивые царіе и великія князи, иже уставили и укрѣпили православныя преданныя законы, еже имуть святыя церкви на вспоможеніе по святыхъ апостолъ и св. отецъ правиломъ, еже твоя велѣніе раззори и ни во чтожь вмѣни ¹⁾).

Отъ неправдъ и насилій царя не только „мати его святая великая соборная церковь, которая породила его водою и Духомъ и хризмою на царство помаза, обидима плачетъ, яко сирота послѣдняя и яко вдова обругана“, но страдаютъ и всѣ православныя христіане. Въ грамотѣ константинопольскому патріарху, Никонъ пишетъ: „и весь родъ христіанскій утягчи (царь) данми сугубо и трегубо и вящше и нѣчто бываетъ въ пользу“. Въ письмѣ къ самому царю Никонъ пишетъ: „ты всѣмъ проповѣдуешь постити, а нынѣ и невѣдомо кто не постится; скудости ради хлѣбныя во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся и ѣсть нечово; и нѣсть, ктобы помилованъ былъ, но отъ начала царствія твоего вси кунно отписаны давидскимъ беззаконнымъ отписаніемъ: нищіе и маломощные, слѣпые, хромыя, вдовицы, и черницы и вси данми обложены тяжкими и неудобъ искус-

¹⁾ Рук. Бѣляева, л. л. 136, 212, 415. Зап. русск. археол. общ. т. II стр. 460, 547.

ными—вездѣ плачь и сокрушеніе, вездѣ стѣнаніе и воздыханіе, и нѣсть никого веселящася во днехъ сихъ“¹⁾).

Подобно защитникамъ старообрядства и Никонъ склопается къ мысли, что на Руси наступаютъ времена антихриста, хотя къ этой мысли онъ приходитъ изъ иныхъ основаній, чѣмъ его противники. „Явѣ есть нынѣ, пишетъ онъ въ своемъ „Разореніи“, всякому точно умъ имущему разумѣти, яко время то (пришествія антихриста) есть, по дѣянью нынѣшнему; что беззаконнѣе, еже царю архіереевъ судити? Не Богомъ данную власть взялъ на ся (царь)“. Указывая затѣмъ, что по всѣмъ признакамъ времена антихриста уже настали, Никонъ между прочимъ замѣчаетъ, что власть антихриста, по слову Іоанна Богослова, будетъ не чувственная и видимая, ова будетъ заключаться въ томъ, что „чрезъ божественныя заповѣди владѣти начнутъ мірскія власти церковная, а не столь мнози челоуѣки таковыя жъ столы имѣють подобіемъ, якоже и царіе и архіереи, по неглаголются престолы, понеже власти данныя не имѣють; и повелитъ себѣ кланятся нечувственно, по якоже нынѣ архіерей—оставя свое достояніе священническое и честь, кланяются царемъ и княземъ, яки преобладающимъ, и о всемъ тѣхъ спрашиваютъ и чести ищутъ и сподобляются, по писанному: оставя прямой путь, ходятъ во стезяхъ погибели“²⁾).

Послѣ царя съ особою силою и ожесточеніемъ Никонъ нападаетъ на Уложеніе и его главнаго составителя боярина Одоевскаго. По признанію самого Никона, онъ, будучи патриархомъ, не разъ говорилъ царю, что бы онъ отмѣнилъ Уложеніе, но царь его не слушалъ. Нероновъ говорилъ Никону патриарху: „а се ты укоряешь новоуложенную книгу, и посохомъ ея попираешь, и называешь ея недобрую; а ты и руку приложилъ, когда ея строили: се ты въ тѣ поры называлъ ея доброю“. Почти большую часть своего „Разоренія“ Никонъ посвящаетъ разбору Уложенія, нападкамъ на него и его составителя. Царь и патриархъ Іосифъ, заявляютъ Никонъ, приказывая боярину Одоевскому составить Уложеніе, не имѣли въ виду „новыя

1) Запис. рус. археол. общ. т. II стр. 473. 550.

2) Рукоп. Вѣляева. л. 179.

законы вводити“, а „онъ, князь Никита, чловѣкъ прегордый, страху Божія въ сердцы не имѣеть и Божественнаго писанія и правилъ св. апостоль и св. отецъ ниже читаетъ, ниже разумѣеть, и жити въ нихъ непаивидитъ, яко враговъ сущихъ, самъ врагъ всякой истинѣ; а товарищи его поди простыя и божественнаго писанія невѣдущи, а діаки вѣдомыя враги Божія и древныя разбойники безъ всякія боязни въ день и людей Божіихъ губять“. Если таковы составители, то таковы, понятно, и составленные ими законы. Одоевскій заявляетъ, что будто бы составилъ Уложеніе „выписавъ изъ правилъ св. апостоль и св. отецъ и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей и изъ старыхъ судебниковъ прежнихъ великихъ государей“, и то онъ, говоритъ Никонъ, „солгалъ, изъ правилъ св. апостоль и св. отецъ и благочестивыхъ царей градскихъ законовъ ничего невыписывалъ, якожь и самая та Уложенная беззаконная книга свидѣтельствуеть беззаконіе ихъ“. О самомъ Уложеніи Никонъ не стѣняясь выражается: „како же ты, списателю несправедный (т. е. Одоевскій) не убоялся Господа Бога свята обезчестити. глаголя: судъ царя и великаго князя и прочее беззаконіе; кто еси ты чрезъ Божественныя законы и св. апостоль и св. отецъ правила смѣлъ дерзнути *новыя бисовскія законы написать, яковыми Лютеръ?*“ „Разсмотри богоборче и истиноборче повсюду писанія свидѣтельства писаное, а не безъ свидѣтельства, яко же ты самоумне написать Уложенную книгу безъ всякаго свидѣтельства“. „Тебѣ же кто ублажитъ или избавитъ суда Божія, весь свалгельскій законъ и заповѣди раззорившагося. на горе тебѣ, второе расшшающему Христа, уне бы тебѣ не родился, Богу свидѣтельствующу: отрадѣ быти Содому и Гомору и пр.“ „Ты князь Никита новый законъ написалъ, *совѣтомъ антихриста учителя твоего*, статья 84: а будетъ которому архимандриту или игумену и прочимъ за чье безчестье платитъ будетъ печѣмъ, и на нихъ тѣмъ подымъ правигъ безчестье нещадно до тѣхъ мѣсть, какъ они съ истцы учинять сдѣлку, ни какъ въ томъ съ истцомъ своимъ добьютъ челомъ; не суть ли дьявольскій ес законъ. ей самаго антихриста, дабы никто не смѣлъ тяжести ради Уложенья шкочу о правдѣ слова Божія проповѣдати, по писаночу: не обличай безумныхъ, да не возненавидитъ

тя и пр.“ Самая мысль, что законы, касающіеся духовенства, пишутся мірскимъ лицомъ, возбуждаетъ въ Никонѣ негодованіе: „ты (Одоевскій) иѣси архіерей, ни іерей, почто на церковь неистовствуеши, судомъ властію прелюбы твориши; что убо себѣ твориши настыря, овца сущи; что бываеши глава, нога сый; слѣгъ сый, почто руководствовати нудишися; грѣшенъ сый, почто оправдати мнишися; гнушая идоль, — святая крадеши; иже въ законѣ хвалшися, — преступленіемъ закона Бога безчестуеши, имя Божіе вами хулится“¹⁾.

Если въ Уложеніи были написаны „повые бѣсовскіе законы“ „совѣтомъ антихриста“, учителя составителя законовъ, то слѣдовать имъ и подчиняться имъ, признавать надъ собою мірской—царскій судъ, въ лицѣ монастырскаго приказа, понятно, никакъ не слѣдуетъ. Указывая на примѣры святыхъ, особенно Златоуста, потерпѣвшимъ отъ несправедливостей царской власти, Никонъ пишетъ, обращаясь къ Лигариду: „видилъ ли еси совопросниче мужество святыхъ и приснопамятныхъ великихъ отецъ нашихъ, како не точію сами подъ судъ царей не приходили, но и царей беззаконныя суды исправляли и обличали, аще и множицею муками и смертію претили, но невозмогша тѣмъ устранили: изволиша правды ради умерети, нежели беззаконенъ судъ пріяти“. Никонъ идетъ и далѣе: онъ рѣшительно приглашаетъ всѣхъ духовныхъ лицъ, буде ихъ позовутъ въ мірской судъ, не только не слушать судей, но открыто „поплевать и проклясть велѣнія ихъ и законы“. Написано въ 10 главѣ, въ 106 статьѣ, пишетъ Никонъ въ своемъ „Разореніи“: а будетъ кто-нибудь пришедъ въ который Приказъ къ суду или для иного какого дѣла, судью обезчеститъ непригожимъ словомъ, а сыщется прото до прима, и того за государеву пеню бити кнутомъ, а судье велѣтъ на немъ доправити безчестье. И во 142 статьѣ, въ 10 же главѣ: будетъ кто наказную или приставную память, или государевы грамоты отъ иметь и издереть, и тѣмъ онъ приказныхъ людей, отъ которыхъ тотъ приставъ посланъ будетъ, обезчеститъ, а

¹⁾ Рукон. Бѣляева. л. л 280, 281, 317, 344, 351, 354, 361. Большая часть разбора Никопомъ Уложенія напечатана въ записк. рус. археол. общ. т II, стр. 423 —498, хотя и съ значительными сокращеніями.

сыщется про то до прѣма, и такова непослушника за государеву грамату бити кнутомъ и посадити въ тюрьму на три мѣсяцы. И аще бы принуженъ былъ кто священнаго чину: патріархъ или митрополитъ, или архіепископъ, или епископъ, или архимандритъ, или игумень, или священникъ, или діаконъ даже до послѣднихъ причетникъ, по твоимъ беззаконнымъ законамъ въ судищи не точію послушаль бы, но поплевалъ, и про судью беззаконнаго и законъ, якоже отроцы повелѣнію цареву не точію понудишася, но и оплеваху, такожде и прочіи святіи мученицы и исповѣдницы, о нихъ же слышимъ въ повселѣтномъ воспоминаніи въ книгѣ Прологъ, како храбрски потщася, влекоми на судища, не точію повинушася, но и оплеваху и прокляша беззаконіе ихъ, — тако и нынѣ, аще кто за святой евангельскій законъ и за заповѣди Христовы и св. апостоль и св. отецъ капоны станеть и мужески подвигнется, якоже и первіи подвижники, не точію судьи послушастъ, но и оплюеть и проклянетъ велѣніе его и законъ, такожде и у пристава наказную и приставную память аще кто отъиметь и издереть и поплюеть и потопчетъ, — не погрѣшитъ таковой своего спасенія, якоже и первомученицы“¹⁾).

Такимъ образомъ патріархъ Никонъ рѣшительно и смѣло заявилъ, что священство выше царства настолько, „слико земли небо“, что свѣтская власть не имѣеть никакихъ верховныхъ правъ надъ лицами духовными, не можетъ судить ихъ и управлять ими, такъ какъ церковь есть вполне самостоятельное и независимое отъ царства учрежденіе, которое имѣеть свои собственные органы для управленія и суда, и что всякое вмѣшательство въ церковную жизнь со стороны свѣтской власти, всякая ея попытка подчинить себѣ церковь, есть незаконное и прямо преступное посягательство, противъ котораго всячески должны бороться архіепископы церкви, эти стражи и охранители правъ церкви. Никонъ, слѣдовательно, явился рѣшительнымъ и горячимъ борцомъ за самостоятельность церкви, за ея независимость отъ притязаній свѣтской власти, обличителемъ злоупотребленій послѣдней, насколько она насильственно врывается въ церковную жизнь и стремилась во всемъ подчинить ея

¹⁾ Рукоп. Бѣляева. л. 254 и 353.

себѣ. Такимъ, по крайней мѣрѣ, Никонъ представлялся самому себѣ и усиленно желалъ, чтобы и другіе такъ смотрѣли на него, т. е. какъ на поборника самостоятельности церкви противъ незаконныхъ притязаній и посполновеній свѣтской власти, какъ на страдальца, терпящаго гоненія и всякія неправды отъ свѣтской власти именно за его стойкость въ огражденіи поспраемыхъ свѣтскою властію правъ церкви. Возможно, что эти воззрѣнія Никона на церковь, какъ на самостоятельное, независимое отъ царства учрежденіе, имѣющее право на жизнь по своимъ собственнымъ законамъ, которыми оно не должно поступаться въ пользу не всегда законныхъ притязаній свѣтской власти, еще могли бы имѣть нѣкоторое значеніе, если бы они были изложены спокойно, безпристрастно, и притомъ съ значительными въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оградиченіями въ виду тѣмъ историческихъ вѣками сложившихся отношеній церкви къ государству, какія польза не принимать во вниманіе при рѣшеніи затронутыхъ Никономъ вопросовъ. По именно въ томъ видѣ, какъ эти воззрѣнія были изложены Никономъ, они не могли имѣть особенно важнаго и серьезнаго значенія: не Никону, человѣку увлеченія и крайностей, плохо знавшему и соблюдавшему мѣру во всемъ, человѣку съ болѣзненно развитымъ самолюбіемъ, вездѣ и всюду ставившимъ на первомъ планѣ свое личное я и съ точки зрѣнія личнаго положенія смотрящаго на всѣ совершающіяся вокругъ его событія,— было братья за рѣшеніе такого сложнаго и щекотливаго вопроса, какъ вопросъ объ отношеніяхъ между церковію и государствомъ. Будь церковь при Никоноѣ (чего нельзя однако сказать) дѣйствительно низведена на степень зауряднаго государственнаго учрежденія, во всемъ зависящаго отъ свѣтскихъ властей, предъ которыми духовныя власти—іерархи ничего не значать, и тогда бы протестъ Никона не поправилъ дѣла.

Прежде всего Никонъ настаивалъ не только на томъ, что духовная власть не подчинена свѣтской, но что священство выше царства: священство—это душа, царство—тѣло. Какъ душа есть высшее въ жизни человѣка начало, руководящее и регулирующее жизнь тѣла, такъ духовная власть, какъ высшее начало, должна руководить свѣтскою властію, которая, какъ низшая, обязана слушаться и под-

чиняться власти духовной, во всемъ сообразоваться съ ея требованіями и указаніями, — законы и правила церкви по самому своему происхожденію святы, непогрѣшимы, неизмѣняемы и потому они должны быть всегда пезыблемою уряжающею основою не только для церкви, но и для государства. Потому Никонъ считалъ себя въ правѣ „о проклятой книгѣ (г. е. Уложеніи) многожды глаголатъ царскому величеству, чтобъ искоренить ее“, считалъ себя въ правѣ публично и смѣло обличать и укорять царя за его пезаконное вмѣшательство въ дѣла церковныя, указывать ему на тѣ гибельныя для него и государства послѣдствія, которыя могутъ отсюда произойти.

Никонъ завѣряегь, что духовная власть на Руси крайне припжжена свѣтскою, которая владѣеть и распоряжается всеѣмъ духовнымъ и что церковь порабощена была именно царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, который, вопреки всеѣмъ церковнымъ правиламъ и послановеніямъ, прневоцлъ себѣ право церковнаго управленія и суда, право владѣть и обогащаться церковными имуществами, такъ что вся вина, вся тяжкая отвѣтственность за угнетенное припженное положеніе церкви падаетъ, по его мнѣнію, исключительно на царя Алексѣя Михайловича. Но если бы Никонъ и дѣйствительно бытъ правъ, когда онъ увѣрялъ, что церковь на Руси находится въ положеніи обобраиной и всеѣмъ припѣсняемой вдовицы, то и въ такомъ случаѣ песправедливо было съ его стороны всю отвѣтственность за это возлагать только на царя Алексѣя Михайловича. Такія отношенія свѣтской власти къ духовной, пусть они дѣйствительно существовали, сложились, конечно, не вдругъ, но мало помалу, въ теченіе вѣковъ и, какъ сѣ живившія исторически, всеѣмъ признавались доселѣ вполне правильными и нормальными. Завѣренія Никона, что именно только царь Алексѣи Михайловичъ всечески преобидѣгь св. церковь, что только онъ началъ, подъ конецъ патриаршества Никона, песпильственно вмѣшиваться въ церковныя дѣла и управлять ими, какъ верховный архіерей, и что онъ дѣлалъ все это изъ присущей ему гордости, потому что онъ „и па самага Бога возгордѣ широтою орла“, — настолько были мало согласны съ истиннымъ характеромъ благочестивѣйшаго изъ государей

Алексѣя Михайловича, что это невольнo чувствовалъ и самъ Пиконъ, почему онъ, вопреки правдѣ, и принужденъ былъ увѣрять всѣхъ въ томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ въ дѣйствительности будто бы вовсе не былъ благочестивъ, что онъ будто бы не любить Бога, не хранилъ его заповѣдей, не есть ученикъ Христовъ и что въ немъ вообще очень мало христіанства. Понятно само собою, что такими обвиненіями, взводимыми на царя, Пиконъ не только не помогалъ защищаемому имъ дѣлу, но и прямо вредилъ ему, слишкомъ уже ясно въ его обвиненіяхъ проглядывало нежеланіе по смотрѣть на дѣло снокойно, безпристрастно, безотносительно къ своему личному положенію и интересамъ. Къ тому же и самый протестъ Никона явился у него только послѣ удаленія его съ кафедры и послѣ того, какъ Пиконъ окончательно убѣдился, что свѣтская власть вовсе не думаетъ снова возвращать его на оставленный имъ патріаршій престолъ. Въ виду этого протестъ Никона, какъ чловѣка руководившагося въ этомъ случаѣ личными побужденіями и интересами, не могъ имѣть той силы и того значенія, какое онъ имѣлъ бы, если бы былъ составленъ болѣе снокойно, обдуманно и безпристрастно, и если бы онъ исходилъ при этомъ отъ чловѣка, практически вовсе не заинтересованнаго въ такомъ или иномъ рѣшеніи возбужденнаго вопроса и потому ратующаго не за себя лично, не за свое личное положеніе и интересы, но за интересы церкви, за права и интересы всего духовенства вообще.

Наконецъ, нельзя не признать и того, что въ нѣкоторыхъ подробностяхъ и частностяхъ, протестъ Никона принималъ иногда характеръ открытаго возмущенія противъ существующихъ и всѣми признаваемыхъ государственныхъ законовъ и учреждений. Законы Уложенія были признаны какъ обязательныя для всѣхъ лицъ и учреждений государства не только свѣтскою властію, но и духовною, такъ какъ подъ ними подписались: патріархъ Іосифъ, архіереи и разныя духовныя лица, между которыми была и подпись Никона, тогда еще архимандрита. Издаваемые въ Уложеніи законы имѣли силу и обязательность при патріархѣ Іосифѣ, во время патріаршества Никона и не были отмѣнены и послѣ удаленія Никона. А между тѣмъ Пиконъ, оставивъ патріар-

шество и раздраженный тѣмъ, что царь не приглашаетъ его снова занять оставленный было имъ патріаршій престолъ, открыто и въ слухъ всѣхъ сталъ называть Уложеніе „проклятою книгою“, законы Уложенія „бѣсовскими, составленными по совѣту антихриста“, сталъ приглашать всѣхъ духовныхъ лицъ не подчиняться законамъ Уложенія и не повиноваться имъ. Но этого мало. Никонъ совѣтуетъ всѣмъ духовнымъ, когда ихъ, согласно Уложенію, позовутъ на судъ мірскіе судьи, не слушать ихъ, но поплевать и проклясть вельніе ихъ и законъ, а наказную и приставную память отнять у пристава, издрать ее, поплевать и топтать. Это былъ, очевидно, открытый призывъ къ неповиновенію существующимъ государственнымъ законамъ и учреждениямъ, призывъ исходившій при томъ отъ человѣка, который еще законно носилъ титулъ московскаго патріарха и постоянно ссылался на слова Спасителя: слушай вась, Мене слушаетъ....

Изъ сказаннаго нами понятнымъ становится, почему Никонъ, разъ оставивъ патріаршую кафедру, уже никогда не могъ болѣе возвратиться на нее, не смотря на хлопоты объ этомъ русскихъ друзей Никона, въ родѣ Зюзина, не смотря на усилія нѣкоторыхъ преданныхъ ему грековъ и даже на совѣты царю въ этомъ смыслѣ со стороны іерусалимскаго патріарха Нектарія. Напрасно думаютъ объяснить нежеланіе царя возстановить Никона на патріаршей кафедрѣ только происками и интригами враговъ реформы Никона, ненавистію къ нему бояръ и вообще лицъ, чѣмъ либо имъ оскорбленныхъ, — въ дѣйствительности причина паденія и окончательнаго осужденія Никона лежала глубже: заключалась въ тѣхъ воззрѣніяхъ Никона на относительное достоинство священства и царства, которыя онъ такъ рѣзко и откровенно высказалъ послѣ своего удаленія съ патріаршей кафедры. Конечное осужденіе Никона послѣ появленія его „Разоренія“ и нѣкоторыхъ писемъ къ царю, сдѣлалось прямо государственною необходимостію, этого требовали интересы самодержавной власти, безотносительно къ церковной реформаторской дѣятельности Никона, къ тѣмъ симпатіямъ и антипатіямъ, которыя питали къ нему тѣ или другія лица. Если ранѣе въ необыкновенно высокомъ и властномъ поло-

женіи Никона патріарха не только относительно дѣлъ церковныхъ, но и гражданскихъ, могли видѣть явленіе чисто временное и случайное, зависящее единственно отъ особаго расположенія государя къ патріарху, при чемъ положеніе Никона приравнивалось къ положенію обычнаго зауряднаго временника, то послѣ появленія „Разоренія“ дѣло получило совсѣмъ иной видъ. Никонъ употреблялъ все усилія доказать, что то необыкновенно высокое положеніе, какое онъ, будучи патріархомъ, занималъ относительно свѣтской власти, вовсе не было случайнымъ, зависящимъ отъ такого или иного расположенія къ нему царя, но что оно принадлежало ему, какъ главѣ церкви, по праву, такъ какъ священство выше царства и при томъ выше настолько, насколько небо земли, что всякая попытка со стороны свѣтской власти подчинить себѣ духовную и поставить ее въ полную зависимость отъ себя, есть явленіе незаконное и даже преступное, за которое свѣтская власть должна подвергнуться тяжелой отвѣтственности. Такимъ образомъ съ возвращеніемъ или невозвращеніемъ Никона на патріаршій престолъ тѣсно связанъ былъ принципиальный вопросъ объ отношеніи царской власти къ патріаршей. Возстановить Никона на патріаршемъ престолѣ значило признать въ известной мѣрѣ справедливость и законность высказанныхъ имъ притязаній, значило бы рядомъ съ однимъ великимъ государемъ признать законность существованія и другаго великаго государя, при чемъ духовный великій государь, во имя сохраненія божественныхъ заповѣдей, церковныхъ правилъ и постановленій, во имя служенія высшей божественной правдѣ, заявилъ бы притязаніе контролировать все дѣйствія и распоряженія свѣтскаго великаго государя и при случаѣ палатать на нихъ свое veto, если бы нашелъ въ нихъ что нибудь несогласное съ существующими церковными правилами и постановленіями и съ градскими законами греческихъ царей. Понятно само собою, что самодержавный государь, не отказавшись отъ прерогативовъ своей власти, никакъ не могъ признать правильнымъ взглядъ Никона на отношеніе свѣтской власти къ духовной, а слѣдовательно никакъ не могъ согласиться и на возстановленіе Никона на патріаршемъ престолѣ. Значитъ Никонъ неминуемо долженъ былъ под-

вергнуться осужденію собственно потому, что въ его лицѣ осуждались какъ незаконныя и вредныя тѣ возрѣнія на отношеніе свѣтской власти къ духовной, за которыя такъ горячо ратовалъ Пикопъ послѣ оставленія имъ патріаршей кафедры; личныя же отношенія и счеты имѣли во всемъ этомъ дѣлѣ только побочное, а первѣшающее значеніе.
